

***

Родилась бы на полвека пораньше –
звали бы меня Октябриной,
и с дрожащими коленками в марше
революционного гимна
сгнула б
флажком на отлете,
красным, как террор по России.
Весело, свободно живете,
Подчинившись страху и силе?
Родилась сегодня и – вижу –
Нет царя, нет гимна, советов...
И на теле Родины грыжей
все, на что наложено вето.

***

Перепиши случайность наших встреч,
добавив послевкусие забвенья.
И новый день – его разящий меч
разгонит тени в жажде отомщенья.

За то, что выбрали в свидетели покров,
усыпанный бриллиантовой пылью.
За то, что мир не светел и не нов,
но все же подарил влюблённым крылья.

Лучи ворвутся в спальное окно –
слепящи, переливчатые и смелы.
На чашке чайной алое пятно,
а на бумаге то, что отболело.

***

Ласкай меня, ласкай меня, волна,
хрустальностью своей заорожив.
Мир вне тебя не светел и не жив –
нетронутая пальцами струна.

Неси меня вдоль чуждых берегов,
не позволяя гавань обрести,
замолкнуть, зажимая дух в горсти,
и разделить с унынием свой кров.

Храни меня. И в горечи ветров,
несущих весть о сожженных полях,
пустых мечтах и позабытых днях,
я все же различу твой вечный зов.

***

Говори со мною, говори
языком зимы и откровений,
высотой церковных песнопений,
скрипом отворяемой двери.

Говори со мною обо всем
и любовью покрывай печали.
Пропадут губительные чары,
озаренные живым огнем.

Говори со мною, наизусть
Пастернака позднего читая.
Я от восхищения расту,
обернусь водою и прольюсь.

Говори, пока еще под стать.
Свяжет вечность голоса и звуки.
Души на небесном виадуке
тихо созерцают и молчат.

***

тонет в твоём стакане
вчерашний день.
ужин завернут в газету
на скорый лад.
сколько ещё отстоять,
тебе душных смен?
сколько ещё рубить
с плеча невпопад.
дома тоска-грусть заела?
как шубу моль.
мог ли подумать,
что так тяжело терять.
крутишь сигарку
дрожащей своей рукой
и по звонку
возвращаешься в личный ад.

Хлеб

Черный душистый хлеб
зрел на поду печи.
Он ноздреват и слеп,
и иногда горчит.
Сдобренный молоком,
зеленью и слезой.
Срощенный с языком,
с вымесившей рукой.
Мягкий, как чернозем,
в колкой щетине ржи.
Небо впитал с дождем.
Пот – из мужицких жил.
К праздничному столу.
К постным остывшим щам.
Хлеб – голова всему,
Рыбам и чудесам.

***

Тяжелеет рябина, извне янтарем наливаясь.
Тучи дней пробегают, рисуя асфальтный
ручей.

А во мне умирает пожухлая завязь
Слов, что осами жалили столько ночей.

Скошен луг, образующий золото стога,
Сдернут лета цветастый небрежный платок.

А во мне где-то прячется замысел Бога,
Разглядеть бы его между ломаных строк.

***

Светлоокая берегиня,
береги меня, береги меня.
От несчастной любви коварства,
от коня и горящего царства.

Мне березы твои, как сестры,
только выше меня по росту
и не знающие печали.
Береги меня, как в начале.

***

Время вышивает на халате крест,
или это кровь проступает алая?
Сколько их, покинутых нами мест,
Сколько зим и лет – не считала я.

Стоит задремать – слышу чей-то крик.
Помоги мне, Господи, вынести
синеву небес и под сердце штык
по твоей неведомой милости.

***

– Не ходи, – говорит, – в Африку погулять
– там за пазухой нужен не камень, а автомат,
там слова твои поглотит большой песок.
– Не ходи, – говорит, – наполнишь свой туесок
чужеземным наречием, крокодиловой злой
слезой.

Утро пленкой засвеченной, вычурной
бирюзой
ослепит, заслони обратный знакомый путь.
Под алжирскими звездами проще всего
тонуть,

Вняв гортанному древнему сочному языку.
– Не ходи, – говорит, – иначе не сберегу.
Оборвется последний сломанный телефон,
в шоколадных калошах сандаловой старый
слон

в пыль затопчет куцую трын-траву.
Не ходи туда, откуда не позову.
Где Шелиффа воды белые от жары
примут с радостью северные дары,
Обласкают руки и щиколотки твои,
замолчишь, покуда сердце не закровит,
не забьется нельмой о килиманджарский лед.
Не влезай, – Господь говорит, – убьёт.